

**Н О В Ы Й
М И Р**

6

1968

В МИРЕ НАУКИ

М. ПЕТРОВ, А. ПОТЕМКИН

★

НАУКА ПОЗНАЕТ СЕБЯ

Что такое наука? Как она влияет на общество, на его экономические и политические институты, а главное — на человека, на его быт и психику? Что она «влияет» — это теперь признают все. Даже папа римский произносит теперь речи о науке, да такие, что им могут позавидовать президенты национальных академий наук. Науку как силу признают ныне повсеместно. Но от признания до понимания того, как рождается и действует эта сила, — не близкий путь.

* * *

До самого последнего времени представления о науке строились главным образом на авторитетных мнениях великих ученых. Им лучше всех известно, что такое наука, — они ее начинали и развивали. Теперь история науки переходит к попыткам исследовать науку методами самой науки; изучая собственную анатомию, законы роста, условия, которые необходимы для нормального развития, а также причины многочисленных тяжелых и легких недугов, наука «познает самое себя».

Теоретическое самосознание науки направляется ее собственной природой к материализму и диалектике, но движение это противоречиво и сложно. Освободясь от власти церкви и утвердив свою независимость от умозрительной философии («Физика, бойся метафизики!»), ученые все же порой привносили в свои философские построения теологические и идеалистические предрассудки, которые гораздо больше вредят теории (или философии) науки как особого рода общественной деятельности, чем специальным научным исследованиям в той или иной сфере познания.

Вместо изучения объективных причин, движущих науку и индивидуальное научное творчество, создавалась своеобразная мифология. О каждом великом ученом складывались легенды и притчи, в которых несведущим людям сообщалось о том, какой должна быть настоящая наука, как должно вести себя настоящему ученому, какими моральными принципами он должен руководствоваться. В XIX столетии возникает ходячий образ подвижника науки — «человека-в-белом-халате», — который, по словам американского историка науки Д. Прайса, «шествоует по жизни с философским камнем «научного метода» и пишет одними только безличными оборотами в страдательном залоге». Сам по себе этот образ не был опасен для науки и не мешал научному исследованию. Он существовал как система нравственных правил, как своего рода сумма «положительных примеров». Он не связывал ученых и даже поддерживал в некоторых из них уверенность в собственных силах, твердость и упорство в сложных ситуациях. Однако им же порождалась и та моральная «непробиваемость», над которой так зло издевались Шоу, Хаксли и множество других литераторов — критиков современной науки.

Сильным ударом по нравственному снобизму ученых на Западе был экономический и политический кризис тридцатых годов. Боги научного Олимпа оказа-